

СТЕПАНОВА

Когда Боги закрывают глаза

Природа-вседержительница скоро изменит все, что ты видишь, и создаст что-нибудь другое, а затем и еще что-нибудь новое, дабы вечно юным пребывал мир.

Марк Аврелий

ГЛАВА 1

ЛЕТО В АНТАРКТИДЕ

78,28° южной широты, 106,46° восточной долготы.

Российская антарктическая станция «Восток»

7 февраля 2011 года

Свет и тьма льнут друг к другу. Солнце и непроглядный мрак, там, на многокилометровой глубине жаждут соединиться, вонзиться сияющими лучами, сковать холодом вечной ночи, окутать тенью, сокрыть, утащить на дно, вспороть вспышкой света, зажигая солнечный огонь глубоко внутри. Чтобы свет захлебнулся тьмой, чтобы тьма забеременела светом, поглощая друг друга без остатка, растворяясь, источая новые соки, высекая искры из скал, взбаламучивая пески, преображаясь, затихая на мгновения и снова вскипая от страсти.

И только льды преграда любви.

Песни китов в океане, там, за границей льдов.

И солнце, что слепит глаза без пощады в разгар антарктического лета в месяце феврале.

Да, совершенно точно. Стояло лето в разгаре, а на календаре – февраль. И с этим приходилось считаться Ивану Лыкову – старшему инженеру-механику. Он давно уже привык к подобным вещам: календарь наоборот, сюрпризы южного полушария. И этот огненный шар над горизонтом, и относительно «легкий» полуденный морозец этак в тридцать пять градусов. День и ночь сводящий с ума гул могучего бура в ледяной штольне там, в заботливо возведенном над местом бурения ангаре. И эта колкая, ранящая взгляд искристость льда. И постоянный ветер, дующий с южного полюса.

К подобным вещам Иван Лыков инженер-механик антарктической станции «Восток», отмотавший здесь уже вторую свою зимовку, не считая летних производственных контрактов, привык.

Но с некоторых пор тут на станции стали происходить иные вещи. И вот это и разрушило весь баланс. Весь с таким трудом выстроенный, выстраданный баланс после той другой жизни там, в Москве, после жизни в квартире в старом доме у метро «Автозаводская». После сестры Анны.

Старшая сестра Анна вышла замуж за бельгийского дантиста и уехала. Теперь у нее дом в деревушке Ватерлоо – той самой, «Ленд-ровер», собака ретривер, муж и уже двое детей. Время все меняет, все лечит.

Когда-то это самое время тут на антарктической станции «Восток» текло, пролетало, шло шагом, тянулось, сочилось по капле незаметно. То есть в этом инженер-механик Иван Лыков мог поклясться, но лишь лично для себя.

Другие сотрудники станции – ученые, инженеры, спецы из питерского Горного института, обслуживающий персонал имели, видимо, каждый свой собственный счетчик времени.

И это самое время неумолимо приближало их всех. Вот только к чему?

Кто-то говорил о невероятном прорыве.

О величайшем, интереснейшем открытии.

Кто-то говорил о тайне природы.

Кто-то твердил о боге, который все так устроил, нагромоздил всю эту многокилометровую толщу льда за миллионы лет, словно специально преграждая туда путь. Чтобы все оставалось как есть, запечатанным и нетронутым.

А некоторые, как, например, помощник инженера по буровым установкам Коньков вообще плели черт знает что, насмотревшись фантастических боевиков по Интернету.

Иван Лыков здесь, на станции вообще говоривший мало, не любивший особо трепать языком слушал всех. Все эти разговоры, пересуды, сплетни, переговоры по радио с грузовыми кораблями, треп по-английски, по-французски, по-испански на кампусе, в лаборатории и в столовой, когда на станцию высаживался очередной десант наших и иностранных ученых.

Он слушал все и всех, но больше доверял тому неумолчному гулу, который исторгали из себя моторы буровых механизмов, которые он любил и лелеял как собственных детей.

Где-то там внизу в ледяной штольне на глубине почти четырех километров бур продолжал вгрызаться в толщу антарктического льда.

Они следили за работой на мониторах компьютеров.

Там, подо льдом, куда ни кинь взгляд, лежало озеро Восток.

Гигантское зеркало.

Закупоренное намертво льдами Антарктиды.

Отсеченное от нашего мира, когда земля была совсем молодой.

– Добро обязательно должно победить зло. Так?

Нет ответа. Лишь эта искристая колкость, эта колючая искристость льда. Ветер и солнце, жалящее глаза даже сквозь темные очки. Эта сводящая с ума белизна, непорочность пейзажа.

– Я к тебе обращаюсь, я спрашиваю тебя. А если ни добра, ни зла? Как здесь. Если только одни льды? И солнечная пустота. И лето в феврале?

– Ты пьяный, что ли? – Иван Лыков нехотя обернулся.

Он стоял среди торосов и смотрел на хорошо знакомые ему строения – ангары, дизельную электростанцию, радиодом и саму «базу», где проходила вся их жизнь на «Востоке».

Отсюда с приличного расстояния открывался потрясающий вид – почти рядом с радиодомом один за другим садились вертолеты. Два наших грузовых с корабля, два американских тоже с корабля с надписью NASA. И потом через четверть часа еще два вертолета – новых, без опознавательных знаков.

У ангара с мототехникой сутились люди. Трактор, рыча, чистил запасную посадочную площадку от снега. На станции сегодня царило невероятное оживление. И не было отбоя от посетителей.

Кто полетит на вертолете с корабля в такую даль в глубь Антарктиды? В мороз, пусть и «легкий» по местным меркам в тридцать пять градусов? Ответ: только те, кому это очень нужно. Позарез.

Неужели время пришло?

– Слышь, Вань, сегодня официально объявят, что все работы по бурению будут приостановлены до будущего года. Но мы бурим дальше. Американцы привезли робот-крибот. По сути тут на станции вводится до поры до времени режим некоей секретности.

Иван Лыков смотрел на помощника инженера Конькова, который его допекал, нарушая уединение. Небольшого росточка, бритый под ноль, жизнерадостный, помешанный на пришельцах и фильмах про пришельцев, питерский, холостой (в Питере осталась горячо любимая мама и волнистый попугайчик). В оранжевой пуховой куртке здорово смахивающий на Винни-Пуха.

– Зонд-крибот как торпеда, там у него носовая часть разогревается и с помощью гравитации он опускается в нашу штольню, а потом уже на глубине он сам начинает внедряться, растапливая лед. Там электроники до черта напихано, сплошные датчики, я видел. Сканеры, анализаторы газа, и забор проб он тоже производит, – Коньков возбужденно махал руками. – Все просто ошалели – и наши, и ихние, и норвежцы прикатили на вездеходе со своей станции. Оборудование на сто миллионов долларов. И знаешь для чего все это? Они хотят получить повторную аналогичную пробу в ледовом керне. А потом, когда доберемся до самой воды, до озера из воды тоже...

– Мы до озера еще не скоро доберемся, не в этом году, – сказал Лыков.

– Вот! Вот потому-то и весь этот бум. Они хотят во что бы то ни стало еще одну пробу получить из нового керна. Аналогичную той. Сколько пытались уже. Поэтому и зонд-крибот тут. Это не обкатка оборудования NASA, пусть хоть нам-то в глаза не врут. Какая к черту обкатка, проверка оборудования, кто и когда еще к этому спутнику Юпитера, к этой Европе полетит, не при нашей жизни это, старичок. Нет, и у наших, и у американцев другая цель. Они хотят аналогичную пробу с аналогичным содержимым. В том керне, что мы тогда извлекли...

Когда Иван Лыков, завербовавшийся по контракту, прибыл на «Восток», работы по бурению подледной штольни к закрытому озеру после многолетнего перерыва из-за безденежья возобновились.

Одни сезон, второй сезон, зимовка, потом недолгий отпуск на Большой земле, затем еще один сезон, снова отпуск на этот раз в тропическом Таиланде с аквалангом и опять новый сезон работ и новая зимовка.

Он хотел взять отпуск с апреля, с начала антарктической зимы. Но теперь не уедет со станции. Раз тут пошли такие дела, он останется.

Лыков наблюдал, как из вертолета без опознавательных знаков высаживалась группа людей в ярко-синих и алых парках. У одного из встречавших теплая пуховая парка была коричневого цвета. Словно его облили шоколадом с ног до головы в капюшоне.

– Военные прилетели и с ними гражданские, большой бизнес. Значит, большой интерес во всем этом. К той нашей пробе, когда забор делали тестовый из керна, – никогда еще миляга Коньков не выглядел таким взволнованным, так и пылавшим азартом и любопытством, – нанокорпорация опять гонцов прислала, я с одним типом переговорил в столовой – он от концерна «Биотехника», Веретенников его фамилия, Павлом зовут, так он все меня расспрашивал, допытывался. Во-он он, а эти, которые вокруг него, это все сплошь военные, хоть и куртки МЧС напялили, не хотят перед американцами светиться. А у тех тоже на двух ученых из Колумбийского университета трое переодетых

цереушников. Но наши с этим мирятся. Понимаешь? Все со всеми готовы примириться и все это терпеть – весь этот камуфляж, станция, штольня, бур – наши, криобот-зонд ихний. Значит, дело того стоит, чтобы забыть обо всем, чтобы работать сообща.

Лыков смотрел на военных в куртках МЧС, на менеджера корпорации «Биотехника» Веретенникова – бородача в коричневой парке. Наверное, специально бороду перед поездкой сюда в Антарктиду отпустил, щеки отморозить боится.

Возле бурового ангара кучковалась еще одна солидная группа – ученые. В центре – мощная фигура известнейшего российского полярника и депутата. Его тоже все за глаза зовут Борода. Раз и Борода прилетел из Москвы, бросив все думские дела, значит, дело действительно того... что-то грядет.

Или уже произошло, когда они извлекли тот ледовый керн и взяли пробы на анализ.

– Спецы из «Биотехники» искали тебя, у них там какие-то вопросы по технике бурения.

– Я сейчас приду, – но Иван Лыков не тронулся с места.

Если взглянуть на все это непредвзято, то в общем-то весь этот девственный первобытный пейзаж создан лишь из двух красок – белой, цвет снега и льда и голубой, цвет небесного свода.

Чаша его переполнена до краев солнечным светом, что не греет тут, не дарит тепла.

Есть еще другие цвета – фиолетовые тени, например, розовая пена облаков, оранжевые пятна, черные точки, пульсирующая радуга, когда закрываешь глаза на секунду.

Кроме четырех основных элементов тут всегда присутствует пятый. Это пустота. В этом Коньков, наверное, прав. Пустота включает в себя и это небо, и льды, и неизведанное озеро под ними, там, глубоко внизу. Темными ночами в сумасшедший мороз здесь падают звезды с неба и тихо, безмолвно приземляются в снег, застывая все новыми и новыми кристаллами льда.

Но покоя нет и тут. Пятый элемент, именуемый пустотой, покоем, безмолвием, потерял самую главную свою составляющую.

В течение нескольких десятков лет на станции «Восток» первобытную тишину нарушал гул буровой установки, ледяная штольня росла, углублялась.

До воды подледного озера остается не так уж и много.

Что там внизу?

– Ты как будто спишь на ходу. Или гредишь, – Коньков потряс Лыкова за плечо. – Что, опять свои таблетки принимал?

– Нет.

– Ты слышал, что я сказал?

– Да, слышал.

– Если из-за одной только пробы из керна такой вселенский ажиотаж поднялся, то что же будет, когда пробьемся к воде? Ты «Секретные материалы» смотрел? А «Нечто»? Голливуд еще когда все это будоражить стал. Да что фильмы, ты в Интернете глянь – сколько пишут. Многие считают, что в озере подо льдами НЛЮ, космический корабль, потерпевший аварию в Антарктиде.

– Там нет никакого космического корабля, ты сам это прекрасно знаешь, – сказал Иван Лыков.

– Пусть так. Тогда что же там есть? Что мы нашли?

На расчищенную трактором запасную площадку у дизельной электростанции сел огромный грузовой вертолет с надписью «Россия» на борту.

Рев его винтов оглушал даже на таком расстоянии.

Иван Лыков зашагал в направлении станции. Чтобы там не объявляли официально о приостановке бурения, какой бы режим секретности не вводили, сегодня и завтра, и послезавтра, и через месяц тут на «Востоке» его рабочий день, его смена. Они будут долбить эту штольню до самого конца. До темной воды.

И если что-то, сокрытое подо льдами миллионы лет, затаившееся, грозное, лишь ждущее своего часа вырвется на поверхность, значит, так тому и быть. Не в этом ли величайшая тайна природы, жажда познания, более сильная даже чем инстинкт самосохранения? Они узнают, что там внизу, пусть даже потом погибнет весь мир и они вместе с ним. Они все равно все узнают.